

predecessors' by its not only naming of crockery, but also with dividing it into the thematic groups and explaining the certain types intents.

Certain mentions of domestic staff we can find in the researches of O. Voropay «Our national traditions».

In the 20th century the most precise research was the one of V. Malanchuk. At the rich real basis she looks upon changes in the Ukrainian folk housing in the historical development.

The illustrated ethnographic catalogue «Ukrainian yesterdays» is differed by its systematic exposition.

The multi-authored monograph «Ukrainian nationality: socioeconomic and ethnopolitic history digest» contains important ethnographic researches, related to our topic. On the pages of recently finished academic publication «Ukrainian culture history» it is put enough of information about the important role of crockery in the culture system.

Keywords: *etnograficheskie studies, pottery making, the dishes.*

Отримано: 23.10.2014 р.

УДК: 81'42:165.741

Петровская С.С.

ИНВАРИАНТНАЯ БЛИЗОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ, СИНОНИМИЧНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЮ С + ИНФ.

Дана розвідка є спробою характеристики семантики конструкцій, які утворюють синонімічний ряд з субстантивно-інфінітивним словосполученням. Намагання систематизувати ці конструкції за семантико-синтаксичними ознаками приводять до виділення двох основних за способом вираження граматичного значення конструкцій, які потребують подальшого аналізу.

Ключові слова: *синонімія, синтаксична синонімія, конструкція, інваріант, семантика.*

Цель статьи – характеристика семантики конструкций, синонимичных субстантивно-инфинитивному (С + инф.) словосочетанию, а также выяснение сущности синтаксической синонимии. Сущность синтаксической синонимии заключается в возможности выражения инвариантной семантики через различные конструктивные формы, различные синтаксические модели. Семантическая структура, или внутренняя форма синтаксических синонимов представляется как единство дифференциальных лексико-семантических и грамматико-семантических элементов. При этом денотативное содержание конструкций, соотносящее их с действительностью, и сигнификативное, указывающее на связь конструкций с категориями мышления, составляют план лексической семантики, а грамматическое содержание, определяющее место синонимических конструкций в системе языка, составляют план грамматической семантики. Внутренняя целостность семантической структуры конструкций создаётся семантической напряжённостью между двумя противопоставленными содержательными планами:

- 1) смысловыми элементами предметно-логического плана и
- 2) смысловыми элементами плана выражения отношений между денотатами.

Семантическая структура синтаксических синонимов субстантивно-инфинитивного словосочетания (С + инф., существительное + инфинитив), С + С (существительное + существительное) и С + предик. ед. (существительное + предикативная единица) состоит из таких элементов обоих планов, которые способны выражать однородные отношения и связи между явлениями реальной действительности. Будучи разными поверхностными реализациями одной и той же глубинной структуры, синтаксические синонимы С + инф., С + С и С + предик. ед. удовлетворяют требованию тождества денотативных значений (см.: [2, 33; 11, 10]). Отношения семантической эквивалентности конструкций С + инф., С + С и С + предик. ед. с максимальной полнотой выявляются при анализе каждого отдельного явления как части сложного целого.

Конструкции С + инф., С + С и С + предик. ед. представляют собой трансформацию исходной конструкции С + инф., которая также неэлементарна в плане семантической производности. Отношения в С + инф. считаются деривационными отношениями, так как они являются результатом преобразования глубинных предикативных отношений (см.: [8, 9]). Поэтому семантика каждого элемента сложного целого – системы С + инф., С + С и С + предик. ед. – изучается с учётом деривационных связей конструкций.

При описании семантической организации каждого синонима учитывается также влияние на семантическую структуру конструкции со стороны бинарности формальной организации, которая в семантическом плане преломляется как семантическая двучленность отношений пояс-

няючого елемента к поясняемому. Семантический статус отношения данного типа определяется как синтез двух смысловых компонентов: стержневой компонент выступает как носитель признака, признак стержневого компонента является содержанием зависимого компонента.

Инвариантная близость смыслового содержания синонимов – важнейшая составляющая семантической близости синтаксических синонимов. Синтаксическая синонимия конструкций С + инф., С + С и С + предик. ед. задаётся преобразованием, которое не меняет состава знаменательных лексем конструкций, и варьирует лишь грамматические формы зависимых компонентов, набор служебных слов и сохраняет без изменений стержневое слово: (*мечта посетить* – (*мечта*) о (*посещении*) – (*мечта*) о том, чтобы (*посетить*) // (*мрія відвідати*) – (*мрія*) про (*відвідування*) – (*мрія*) про те, щоб (*відвідати*).

Лексика конструкций выступает как важный компонент языка глубинных структур [11, 39]. Тождество лексического состава, то есть лексически зависимых морфем конструкций, является условием совпадения синтаксических единиц по их вещественному, объективному содержанию. Благодаря сохранению лексического состава конструкции С + инф., С + С и С + предик. ед., находящиеся в отношениях трансформации, при различном формальном статусе имеют одинаковый лексический статус и выражают одну и ту же комбинацию элементарных смыслов [13, 489]. Исследование семного состава лексем конструкций С + инф., С + С и С + предик. ед. позволяет сделать вывод о том, что эти конструкции служат для номинации одного референта.

Аналогия в соотношении между означаемыми проектируется в аналогию смысловых соотношений слов, входящих в конструкции (такая проекция возможна ввиду того, что синтаксическая структура изоморфна структуре события). В частности, сопоставление смысловых отношений между инфинитивом в словосочетании С + инф. и отглагольным именем в словосочетании С + С показывает, что инфинитив и его дериват по объективному содержанию равны другу.

Приращению смысла в девербативе соответствует словообразовательное средство – формант *-ний(е)*. Конкурирующие номинации *требовать* и *требование*, реализуя общие лексические связи (если они не исключаются грамматическими факторами), выступают как смысловые эквиваленты и обеспечивают коммуникативную эквивалентность конструкций типа *право требовать*, *право требование* (на *требование*). Условие совпадения смысла, которое свидетельствует о совпадении конкурирующих единиц в обозначении одного и того же денотата, соблюдается и при трансформации субстантивно-инфинитивного словосочетания в сегмент высказывания С + предик. ед. Ср. параллельное употребление слов *требовать* и *требование*: *Первый Толстяк сказал: «Теперь вы имеете право требовать награды». Наступила тишина. Маленький секретарь <...> держал перо наготове, чтоб записать требование доктора <...> «Эта просьба преступна! Вы не имеете права на то, чтобы требовать такие вещи!» – заорал Второй Толстяк. <...> «Я требую, чтобы даровали жизнь всем рабочим, приговорённым к смерти. Я требую, чтобы сожгли плахи», – повторил доктор негромким голосом, но твёрдо». (Ю.Олеша). Конструкция, содержащая лексемы *требовать* и *требование*, объединяются на основании того, что представляют собой языковое единство одной и той же семемы.*

Специфика отношений в конструкциях *право требовать* – *право на требование* – *право на то, чтобы требовать* состоит в том, что такие отношения связывают между собой события, а не предметы. Событийный референт-ситуация свойственен этим конструкциям при любом лексическом наполнении. От референта зависит возможность-невозможность выразить смысловое содержание субстантивно-инфинитивного словосочетания через конструкцию С + С и С + предик. ед. Обозначая микроситуацию, конструкции С + инф., С + С, С + предик. ед. по признаку референта сближаются с предложением-дериватором конденсированных субстантивных конструкций. Ср.: **Все услышали требование доктора сжечь плахи.* – **Я требую сжечь плахи.*

Таким образом, конструкции-синонимы представляют собой иерархически организованные различные смысловые и формальные представления, служащие для номинации одного сложного денотата-микроситуации, фрагмента действительности. В коммуникативном плане ситуация является референтом высказывания [5, 359; 7, 33], что соединяет ситуацию – совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего как реальные в объективной действительности, – с одной коммуникативно организованной конструкцией. Микроситуация, обозначаемая конструкциями С + инф., С + С, С + предик. ед., относится к ситуации, обозначаемой целостным высказыванием, как частное к общему: номинативная функция высказывания представляется как денотативная и коммуникативно-модальная [5, 359], номинативная же функция конструкций С + инф., С + С и С + предик. ед. заключается лишь в обозначении денотативного содержания. Отображаемой высказыванием ситуации соответствует её семантическая модель-пропозиция, которая создаётся соединением денотативного и сигнификативного значения.

Высказывания типа **Я требую сжечь плахи*, с одной стороны, и конструкция **требование доктора сжечь плахи*; **требование доктора о сожжении плах* и **требование доктора о том,*

чтобы сожгли плахи; *требование доктора: сожгите плахи!, с другой стороны, соотносительны в содержательном плане как разные синтаксические единицы, дающие название одному и тому же событию и различающиеся лишь теми элементами смысла, которые определяются грамматическими различиями между ними. Таким образом, сопоставляемые предикативная конструкция и непредикативные конструкции характеризуются общей семантической зоной, общей пропозитивной номинацией. Различие между высказыванием и содержательно соотносительными с ним непредикативными конструкциями состоит в том, что непредикативные конструкции передают тождественную информацию сжато, свёрнуто. Компрессия информации позволяет включить С + инф., С + С и С + предик. ед. в высказывание за счёт свёрнутых пропозиций дополнительных предикативных линий, что влечёт за собой осложнение синтаксической структуры высказывания и увеличение его глубины. Свёрнутые пропозиции, включаемые в отдельные звенья высказывания, приносят дополнительную информацию к отдельным линиям коммуникативного развёртывания текста. Конструкции С + инф., С + С, С + предик. ед., обозначающие свёрнутую пропозицию, как форма номинации не раскрывают детальных связей объективной действительности, не образуют необходимое условие развёрнутой номинации сложной ситуации через единицу содержательного уровня – высказывание.

Конструкции С + инф., С + С и С + предик. ед. служат для номинации одной пропозиции, несмотря на их сложную семантическую структуру, на их семантическую двучленность, соответствующую формальной бинарности конструкций. Монопропозиционность конструкций С + инф., С + С и С + предик. ед., отражающая монопропозиционность развёрнутой предикативной структуры дериватора (оформление пропозиции непредикативной конструкции является вторичным способом её выражения), базируется на специфической способности конструкций с модальным существительным в роли опорного слова – обозначать ситуацию мыслительной операции. При этом, следует отметить, монопредикативность свойственна также сегменту С + предик. ед., входящему в состав сложного предложения. На фоне обычной полипредикативности сложного предложения выделяется ряд сложных предложений, в которых предикативная часть относится к одному слову – опорному, которое имеет особое лексическое наполнение (в исследуемом материале – модальное).

Сочетание значений в семантической структуре конструкций-синонимов достаточно свободно, однако в условиях семантической неполноценности части с опорным существительным намечаются общие семантические контуры восполняющей предикативной части, которая удовлетворяет потребностям уточнения синсемантического существительного. Лексическая модальность опорного слова переходит в модальность всей конструкции, причём позиция зависимого, признакового компонента выступает как позиция событийного объекта [1, 263]. Инвариантное значение 'событийность объекта' объединяет с точки зрения семантики поясняющую часть всех конструкций синонимов системы С + инф., С + С и С + предик. ед.

Таким образом, наличие в языке синонимов С + инф., С + С и С + предик. ед. предопределяется особенностью соотношения языковой формы и ситуации, заключающейся в том, что один и тот же объект может отражаться в нескольких формах. Синтаксические синонимы совместимы с одним и тем же денотатом и находятся между собой в парадигматических отношениях, предполагающих выбор конструкции или обозначения некоторого события. Идентичность пропозиций, выраженная в разных формах, предполагает наличие своего рода семантической парадигмы данного значения.

Формальная структура синтаксических конструкций С + инф., С + С и С + предик. ед. оказывается в большей или меньшей мере приспособленной, «ёмкой» для передачи сообщаемого. Синтаксические синонимы занимают место в оппозитивной языковой системе лишь в том случае, если между ними существует смысловое различие, которое сводится к разнице их семантического объёма или частичному совпадению; при этом степень синонимической общности может быть разной (см.: [14, 84; 3, 51; 10, 24]). Словосочетания С + С, соотносительные со словосочетаниями С + инф. и имеющие в роли стержневого не каждое существительное, а только девербатив, на понятийном уровне репрезентируются сигнификативной ситуацией «опредмеченное отношение субъекта и объекта к опредмеченному действию-процессу», в то время как референтом доминантной модели С + инф. является сигнификативная ситуация «опредмеченное отношение субъекта и объекта к действию». Обозначая одну из представляемых моделью ситуаций, словосочетание С + С ориентировано на выражение атрибутивно-делиберативных отношений в структуре сложного денотата.

Трансформационные преобразования С + инф. в С + С приводят к созданию формы, пригодной для выражения большего объёма информации. Зависимый девербатив содержит скрытую информацию, обусловленную валентностными связями абстрактных существительных-девербатов различной семантики, сочетаемостью с атрибутом и возможностью интенсификации значения.

Иногда сочетаемость имени шире и многообразнее сочетаемости соответствующего глагола. Ср.: *потребность приказать перегруппироваться – потребность приказа перегруппироваться – потребность приказа о перегруппировке* при невозможности ***потребность приказать о перегруппировке*. Глагол *приказать* и девербатив *приказ* объединены общностью семантического содержания: способностью обозначать действие, с одной стороны, в его временном протекании, с другой – как опредмеченное понятие. Кроме того, в отглагольном существительном развиваются конкретные значения и вторичные предметные. Тогда в результате отглагольной транспозиции при синтезе глагольных и именных категорий связи отглагольного существительного приближаются к связям нетранспонированного существительного. Ср. употребление существительного *приказ* в значении «официальное распоряжение того, кто облечён властью»: *На войне ни дня, ни часа / Не живёт он без приказа / И не может покоя / Без приказа командира / Ни сменить свою квартиру, / Ни сменить портянки он. (А.Твардовский)*. Отглагольное имя существительное имеет более определённое значение, чем соответствующий глагол. Максимальная информативная ёмкость С + С по сравнению с С + инф. и С + предик. ед. объясняется усложнением характера отношений компонентов словосочетания в связи с усложнением морфологической, а значит и семантической структуры зависимого элемента. Замена глагольной позиции на субстантивную создаёт широкие возможности аспектно-видовой и залоговой модификации, восполняющей недостаточность глагольной системы. Ср. *приказ отступить/отступить → приказ об отступлении // наказ відступати/відступити → наказ про відступ; приказ перегруппировать/перегруппироваться → приказ о перегруппировке // наказ перегрупувати/перегрупуватись → наказ про перегруповання*.

Изменение в характере отношений между компонентами конструкции-деривата может быть связано не только с именной транспозицией зависимого инфинитива. Общий смысловой сдвиг, последствием которого обычно бывает изменение синтаксического значения конструкций, вызывается также варьированием падежных форм, предлогов [6, 126], допустимым общим инвариантным смыслом синонимии. Семантические предложно-падежные синонимы, или лексико-синтаксические варианты синонима, в содержательном плане отличаются друг от друга теми минимальными элементами смысла, которые привносятся в их структуру изменением предлога и падежной формы зависимого девербатива. Ср.: *правом зачисления вне конкурса; правом на поступление в средние специальные учебные заведения (Бюллетень...)*. Хотя семантика словосочетания складывается из соотношения значений соединяемых слов, роль предлога не сводится лишь к указанию на зависимое положение одного из компонентов. Доказательством того, что «пустых» предлогов не существует, служит то, что 1) замена одного предлога почти столь же абстрактным изменяет значение конструкции; 2) соотношения между предлогами и падежами постоянны; 3) предлог является носителем определённой функции в языке [12, 61]. Как носитель семантической функции, предлог служит выразителем тех отношений, которые говорящий устанавливает между предметами и явлениями языковой действительности. Например, предлог *ДЛЯ* употребляется в атрибутивных словосочетаниях с оттенком значения предназначения и цели [4, 48]. Напр.: *Пока у нас нет причин ДЛЯ опасений <...> (В.Пикуль)*. Ср.: *И це було приводом ДЛЯ маніфестацій і демонстрацій. (О.Іваненко)*.

Семантические предложно-падежные синонимы при варьировании предлогов сохраняют инвариантное значение – благодаря тому, что предлоги в лексико-синтаксических синонимах имеют общую смысловую составляющую. Напр.: *Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрёка в покушении НА оскорбление личности! (М.Лермонтов)*.

Предложно-падежные формы с разными предлогами безразличны к грамматическим характеристикам стержневого слова, но различаются между собой оттенками своих собственных значений.

Семантическая структура сегмента С + предик. ед. с бессоюзной и союзной связью характеризуется большей сложностью по сравнению с синонимичными словосочетаниями. Большая семантическая сложность конструкции с полупредикативной связью вызвана тем, что в состав конструкции С + предик. ед. входит зависимый компонент, оформленный по структурной схеме простого предложения: **Подали сигнал ↔ (про то), чтобы взрывать; : нужно взрывать // Подали сигнал ↔ (про те), щоб зривати; : треба зривати*. Поэтому содержательная сторона конструкции С + предик. ед. пополняется теми элементами смысла, которые ей сообщает зависимый компонент в форме, подобной предложению. Восполняющие предикативные единицы, имея левостороннюю коммуникативную функцию и участвуя в развитии основной линии повествования, в составе сложного предложения несут в себе дополнительную информацию об одной из пропозиций в цепочке предикативных единиц с правосторонней коммуникативной функцией.

Зависимая от модального существительного предикативная единица, дополняющая содержание главного состава, вступает с ним в особые смысловые отношения и выражает характер смысловой связи между двумя компонентами в монопропозитивной структуре. Присловные за-

висимые части в сложном предложении к существительным, сообщающая о «событийном объекте» пропозиции. При этом лексическое значение стержневого элемента становится более весомым, чем в синонимичных словосочетаниях С + инф., С + С, где основная лексическая нагрузка сосредоточена в зависимом компоненте. Большая смысловая значимость и самостоятельность стержневого слова в С + предик. ед. предопределена принадлежностью частей бинарной конструкции к разным предикативным единицам, относительно самостоятельным в структуре высказывания. В семантическом плане нерасчленённое предложение, в составе которого функционирует сегмент С + предик. ед., является продуктом совмещения двух исходных структур [9, 7]. Ср. совмещение исходных структур **Ему пришла идея* и **Нужно отправить письмо* в вариативных результирующих структурах, которые имеют тождественные с исходными семантические элементы: **Ему пришла идея о том, что нужно отправить письмо* и **Ему пришла идея: нужно отправить письмо*. Аналогично в украинском языке: **Ему прийшла ідея* + **Треба відправити листа* = **Йому прийшла ідея про те, що треба відправити листа* / **Йому прийшла ідея: треба відправити листа*. В пограничной области, на стыке двух предикативных единиц, модальное существительное *идея* более значимо, чем в словосочетаниях *идея отправить, идея об отправлении* // *идея відправити, ідея про відправлення*.

В семантической структуре сегмента С + предик. ед. с союзной связью присутствует семантический элемент, привнесённый союзом: общее релятивное значение изъяснительности, а также индивидуальные лексические значения союзов, то есть те значения, которыми данный союз отличается от других союзов той же функционально-смысловой группы (например, *что* и *будто*).

Таким образом, сравнение семантической структуры синонимичных конструкций доказывает инвариантную близость, идентичность обозначаемых ими пропозиций и их семантической структуры. Различия в семантической структуре конструкций, соответствующих одному денотату, существует как дополнительные – коннотативные значения. Исследуемая проблема имеет широкие перспективы для изучения и пополнения теории синтаксической синонимии, что было, по возможности, доказано в данной статье.

Список использованных источников

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 2006. – 383 с.
2. Бархударов Л.С. О поверхностном и глубинном синтаксисе / Л.С. Бархударов // Иностранные языки в школе. – 1974. – №1. – С. 25-34.
3. Бережан С.Г. К семасиологической интерпретации явления синонимии / С.Г. Бережан // Лексическая синонимия. – М. : Наука, 1967. – С. 34-56.
4. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 114 с.
5. Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики : 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 349-372.
6. Ковтунова И.И. О синтаксической синонимике / И.И. Ковтунова // Вопросы культуры речи. – Вып. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 115-143.
7. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке / Т.П. Ломтев. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 198 с.
8. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация : Анализ производных предложений русского языка / Л.Н. Мурзин. – Пермь : Изд-во Пермск. ун-та, 1974. – 170 с.
9. Мурзин Л.Н., Шарина О.М. Деривация структур сложноподчинённого предложения в русском языке : К проблеме совмещения предложений / Л.Н. Мурзин, О.М. Шарина. – Пермь : Изд-во Пермск. ун-та, 1971. – 52 с.
10. Никитевич В.М. Субстантив в составе номинативных рядов : К проблеме деривационной грамматики / В.М. Никитевич : дисс. на соискание научн. степени докт. филол. наук. – М., 1973. – 458 с.
11. Падучева Е.В. О семантике синтаксисе / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 2004. – 292 с.
12. Тер-Авакян Г.А. Функция и значение предлогов во французском языке / Г.А. Тер-Авакян // НДВШ : Филол. науки. – 1981. – №1. – С. 60-63.
13. Храковский В.С. Трансформация и деривация / В.С. Храковский // Проблемы структурной лингвистики : 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 489-507.
14. Цейтлин С.Н. Система синтаксических синонимов : На материале русского языка / С.Н. Цейтлин // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Л. : Наука, 1979. – С. 77-87.

This research is an attempt at characterizing the semantics of constructions forming a synonymic row with substantive-infinitive word-groups. Arranging such constructions according to semantic and

syntactic principles leads to forming two main constructions on the basis of their relaying the grammatical meaning. These constructions require further analysis.

The comparison of the synonymic constructions' semantic structure proves their invariant proximity, equivalence of propositions denoted by them and their semantic structure. The differences in the semantic structure of constructions corresponding to one denotation exist in the form of additional (connotative) meanings. As the given study has proved, this topic provides a wide range of opportunities to research and develop the syntactic synonymy theory.

The objective of the article is to characterize the semantic of construction synonymic to the substantive and infinitive word-combination (S + Inf.). The research also aims at defining the nature of syntactic synonymy. The nature of syntactic synonymy lies in the possibility of expressing invariant semantics by means of different constructive forms and syntactic models.

Semantic structure, or the inner form of syntactic synonyms, is described as a unity of differential lexical and semantic as well as grammatical and semantic components.

The invariant proximity of the synonyms' meaning is the most important component of the syntactic synonyms' semantic proximity. Syntactic synonymy of S + Inf., S + S and S + P constructions is predetermined by a transformation which does not change the contents of the constructions' significant lexemes, but adds variety only to the grammatical forms of subordinate components and functionals. The headword remains unchanged. Syntactic synonyms are compatible with the same denotation and form a paradigm. Said paradigm allows for a choice of construction or denomination of an event.

Key words: *synonymy, syntactical synonymy, construction, invariant, semantics.*

Отримано: 19.10.2014 р.

УДК 811.161.2'373.7

Польова С.В.

СОЦІОКУЛЬТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ КОНЦЕПТІВ ЖИТТЯ І СМЕРТЬ В УКРАЇНСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМАХ

У статті проаналізовано концепти ЖИТТЯ і СМЕРТЬ у фразеологізмах української мови в соціокультурному аспекті. Встановлено спільні та відмінні семи. Наявність спільних сем свідчить про нерозривний зв'язок аналізованих концептів.

Ключові слова: *концепт, фразеологізм, фразеологічний дискурс, соціокультурний аспект, сема.*

У сучасному мовознавстві спостерігається використання антропологічного підходу у вивченні багатьох мовних одиниць. Мова розглядається через призму людської особистості, у тісному зв'язку з мисленням та свідомістю людини. Збільшився інтерес до знакових проблем мови, що знаходяться в полі зору суміжних наук, пов'язаних з розкриттям людської сутності – логіки, філософії, семіотики, лінгвістики, культурології тощо.

Основою дослідження мови і культури слугує концепт. Саме концепт пов'язує в єдине ціле культуру, свідомість і мову, оскільки він належить до свідомості, визначається культурою та відтворюється у мові. «Мова є не лише способом спілкування, а й певним концентратом культури – культури нації та її втілення в різних верствах населення аж до окремої особистості. ... мова в потенційній формі своїх концептів – втілення всієї культури народу» [3, 285].

Одним із актуальних напрямів сучасної лінгвістики чимало науковців (О.Селіванова, В.Кононенко, Ю.Степанов, С.Жаботинська, В.Маслова) називають дослідження концептів. Когнітивному аспекту вивчення фразеологічних одиниць присвячені праці Н. Хомського, Д. Добровольського, В. Телія, О. Кубрякової, М. Полюжина, О. Селіванової та ін.

Останнім часом основну увагу лінгвістів привертають так звані «базові» чи «культурні» концепти, які взаємопов'язані з культурою народу та найяскравіше відображають специфіку його колективної свідомості. Стале осмислення того чи іншого концепту, яке складалося впродовж довгого часу, знаходимо у фразеологізмах, що фіксують узагальнені моделі сприйняття світу людиною. Тому сьогодні в когнітивній лінгвістиці спостерігається інтерес до дослідження специфіки різних концептів у фразеології. У фразеологічному дискурсі фіксуються і транслуються з покоління в покоління концептуальний і культурний «генотип» народу, його морально-етичні, естетичні установки, ціннісні орієнтації та пріоритети, стереотипи, психологічні та культурні